

18+

Дмитрий Киселев
(Алхид)

**Пьеса
«Вера»**

Дмитрий (Алхид)

Пьеса «Вера»

«Издательские решения»

(Алхид) Д. К.

Пьеса «Вера» / Д. К. (Алхид) — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-640760-2

Пьеса «Вера» об отце и матери, которые идут на кладбище хоронить единственную дочь. Испытывая боль утраты, они, каждый по-своему прощаясь с дочерью, дорожат временем, оставшимся у них. Но, столкнувшись на старом кладбище с появившейся там администрацией, им приходится окунуться в какую-то новую, совершенно незнакомую, искажённую реальность.

ISBN 978-5-00-640760-2

© (Алхид) Д. К.
© Издательские решения

Пьеса «Вера»

Дмитрий Киселев (Алхид)

драма в двух действиях.

© Дмитрий Киселев (Алхид), 2026

ISBN 978-5-0064-0760-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Егор Никитич Воеводин, отец умершей, владелец земель, 60 лет.

Татьяна Петровна Воеводина, мать умершей, домохозяйка, 43 года.

Вера, покойная 20 лет.

Аркадий Иванович, старый работник и доверенное лицо у Воеводиной, 70 лет.

Авдотья, старая повариха в доме Воеводиных, 76 лет.

Пётр, работник в доме Воеводиных, 46 лет.

Малый, администратор кладбища, 32 года.

Священник, 62 года.

Юноша, 16 лет.

Мужик, 52 года.

Старший мужик, 55 лет.

Старики.

Старший копатель, 39 лет.

Копатель 2, 50 лет.

Копатель 3, 55 лет.

Лицо 1, 40 лет.

Родственники.

Действие происходит на старом сельском кладбище.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Эпизод первый

В центре затемненной сцены на короткое время синим светом высвечивается стеклянная коробочка, в которой находится Вера, одетая в свадебное платье. Девушка осматривается по сторонам.

Вера. Где я?

Свет в коробочке тухнет. Её уносят. Вера уходит. На сцене зажигается свет.

Начавшееся после дождливой ночи безветренное утро угрожает хмурым днём. За краем растянувшего вдаль парового чернозёма, вспаханного перед зимой, виднеются макушки ободранных осенью вязов. Над деревьями нависает низкое пасмурное небо. А вспольем тянется раскисшая дорога, усеянная тёмными лужами.

Справа входит Авдотья, одетая в чёрное до пят шерстяное платье, плюшевый тёмный жакет, платок и калоши. В руках у неё икона Пресвятой Богородицы, обрамлённая рушником. Следом, чуть отставая от старухи, входит плешивый, в пепельной бороде Аркадий Иванович, одетый в телогрейку, ватные штаны, шапку-ушанку и сапоги.

Он, выгибая назад спину, несёт тяжёлый деревянный крест.

Аркадий Иванович. (*наступая в лужу*). Опять в лужу угодил. Не видать за крестом дороги. Хорошо хоть сапоги догадался надеть. (*Останавливается и приподнимает крест повыше.*) Скорее бы уже до погоста идти.

Аркадий Иванович продолжает идти дальше.

Дося, а ты заметила, что когда мы Воеводининых хороним, всегда сыро?

Авдотья. (*осторожно обступая лужу*). Значится, хороших людей хороним.

Аркадий Иванович. (*снова наступая в лужу*). Да что ты будешь делать. Все лужи пособирали. Ни одной не пропустил.

Аркадий Иванович останавливается, опускает крест на землю. Оглядывается назад.

Ух, как далеко мы от остальных утопали. Дося, стой! Обождать нужно.

Авдотья останавливается. Оборачивается.

(*снимая с головы шапку и вытирая ею лицо от пота*). Ну, положим, покойная была хорошей. Соглашусь. Но вот её дядя.

Авдотья. (*перебивая Аркадия Ивановича*). Разве ты не знаешь, старик, что о покойнике не говорят плохо. Тем более на похоронах его племянницы.

Авдотья крестится.

Да и откуда тебе знать, каким был Фёдор Никитич. Он умер уже, посчитай как лет двадцать тому назад. А ты, дай Бог памяти, гораздо позже у нас в доме появился.

Аркадий Иванович. Как же позже. Я аккурат двадцать лет тому назад со службы по контузии вышел и сразу же к Воеводининым на работу поступил. Так что успел, так сказать, натерпеться от старшего брата Егора Никитича.

Авдотья. Натерпелся он. Во мелит. От кого! Да Фёдор Никитич хорошим человеком был, а последний год жизни и вовсе больным пролежал. А от больного разве терпят! Нет, мой дорогой, не терпят. Больному сочувствуют и всё прощают.

Аркадий Иванович. Вон оно как. Он, значится, будет в меня кочергой целить. А я ему: кидайте, Фёдор Никитич, не сдерживайтесь. Вам же вредно сдерживаться. Вы больны. Так, что ли?

Авдотья. Не выдумывай. Фёдор Никитич никогда без причины людей не обижал. Небось, сам натворил чего, а порядочного человека, (*крестясь*). царствие ему небесное, обвинять вздумал.

Аркадий Иванович. Ну а как же. Конечно, сам. У нас по-другому не бывает. Я ведь сам мимо комнаты Фёдора Никитича дрова со двора к печи нёс. А он меня увидел, окликнул. Я, конечно же, услышал. Чай не глухой. Хотел подойти. Но смекнул, что наперёд нужно дрова

к печи снести, а уж потом опорожнённым вернуться к больному в комнату. Так бы и было. Так бы и было. Да вот только я на глаза Татьяны Петровны попался. Ей для младенца ключевая вода понадобилась. Я с ведрами к колодцу за водой. Выполнил распоряжение и сразу же поспешил к больному. А он.

Авдотья. *(подходя поближе к старику и посмотрев ему прямо в глаза).* Что он?
Аркадий Иванович. *(говоря тише).* Неловко и сказать – то об этом.

Пауза.

Он малую нужду под себя справил. А меня, не стесняясь в выражениях, поносить стал. Буд то бы это я виноват.

Авдотья. *(качая отрицательно головой).* А разве это не ты повинен в том, что обездвиженный, нуждающийся в заботе, образованный человек был вынужден под себя сходить и тем перед людьми посрамиться?

Аркадий Иванович. Конечно, не я! Я то при чём? *(ударяя указательным пальцем себя в грудь).* Ведь не меня же за больным смотреть приставили! Не меня!

Авдотья пятится от старика и осуждающе смотрит на него.

Ну что ты меня глазищами буравишь? Что? Тебе хорошо. Сидишь себе на кухоньке в тепле, да обеды стряпаешь. Никто тебя не трогает. Не беспокоит. А меня на работу истопником брали. *(Бьёт себя в грудь.)* Слышишь, истопником! Деревце из лесу привезти, дровишек напилить да печку растопить. Я ведь не нанимался за больными ухаживать! На то специалисты имеются. Так от чего же я виновен-то? Отчего?

Авдотья. *(Смотрит направо, за спину старика.)* Ну полно тебе. Хватит. Раздухарился-то как. Пошли уже. Идут.

Авдотья и Аркадий Иванович уходят влево.

Справа входят Мужики с крышкой от гроба на головах. Они одеты в тёмные штаны, непромокаемые куртки, шапки и обуты в резиновые сапоги. За ними входят Старики в фуфайках и ватных штанах. Они несут стулья и лопаты. Следом входит Священник, одетый в рясу и чёрную поношенную куртку. Входят двое Юношей с венками, одетые в пальто, шапки и ботинки.

Юноша. *(догоняя священника).* Батюшка, я спросить хочу. Спросить хочу.

Священник. *(оглядываясь на юношу).* Пожалуйста, спрашивай.

Юноша. Почему Бог людей молодыми забирает?

Священник. *(останавливаясь).* Значится, их время пришло.

Юноша. *(останавливаясь).* Но как же пришло! Как же! Они же ещё не старые?

Мужики с крышкой от гроба на головах. Юноша с венком и Старики со стульями и лопатами. Уходят влево.

Священник оглядывает зрительский зал.

Священник. Если Господь забирает молодых, значит, так ему нужно. Мы не в праве думать о том, зачем Бог это делает. Мы должны смириться.

Юноша. Как же так! Ведь они не успели совершить ничего дурного.

Священник. От Господа суд каждому. Мы же не знаем, кем бы стал рано отошедший из жизни человек. А Бог знает. (*идя дальше*). Он всё знает.

Юноша. (*поспевая за священником*). Выходит, что Бог грешников забирает? Грешников?

Священник. (*пропуская юношу вперёд*). Не только грешников, но и тех, кто достиг духовного развития.

Священник и Юноша уходят влево. Справа входят Мужики с гробом на плечах, одетые в рабочую крепкую одежду и непромокаемые куртки. Обутые в сапоги и калоши.

В гробу лежит умершая Вера в красивом свадебном платье.

Мужик. (*говоря вполголоса*). Братцы, не могу я нести больше. Скользко. Того гляди, упаду. Давайте передохнём.

Пётр. Держись. Не далеко осталось.

Мужик. Не могу.

Справа входит Егор Никитич, одетый в шерстяное чёрное пальто, фетровую шляпу, брюки и осенние кожаные ботинки. Следом идёт Татьяна Петровна, одетая в полушубок из натурального меха, чёрное платье до пят, шерстяной чёрный платок и сапожки. За ней идут Родственники.

Мужик поскользывается и чуть было не роняет гроб.

Егор Никитич. (*Вздрагивает.*) Стой! Остановитесь!

Все останавливаются

Мужик. (*сгибаясь под тяжестью гроба*). У-у-у.

Пётр. Стулья. Несите скорее стулья.

Старик вбегает слева. Ставит стулья.

Пётр. (*Мужикам.*) Аккуратно. Опускаем. (*Старику.*) Стулья придерживай. Скользко же. Уползут. (*Мужикам.*) Аккуратно. Ставим.

Егор Никитич подходит к гробу. Мужики, опустив гроб, отходят в сторону, закуривают, уходят вправо. Старик отходит в сторону, закуривает, уходит влево.

Егор Никитич. (*Телу.*) Пускай люди передохнут. А ты пока на поле вспаханное погляди. (*обводя взором зрительский зал*). Вон оно какое хлебородное.

Пауза.

(*смотря вверх*). А небо. Видишь, какое низкое! Ещё вчера высокое было холодное, а сегодня опустилось на макушки деревьев и лежит тихонько, на тебя смотрит. Прощается.

Татьяна Петровна. (*Подходит к гробу.*) Дочка, на кого же ты нас, сиротинушек, покинула! Ведь никого у нас с мужем детей не остаётся. Одна ты была. Родненькая! Одна!

Егор Никитич. (*вытирая соскочившие из глаз слёзы*). Ну, будет. Как-нибудь. Как-нибудь.

Татьяна Петровна. (*хватаясь руками за стенку гроба*). Не уберегли мы тебя, дитяtko. Не сумели. Сами дверь в дом этому прохвосту открыли. Сами тебя сосватали. А он вон как обошёлся с тобой. Окрутил! Бросил! А ты любила. Как же ты его любила! Так только в двадцать лет полюбить можно. Я видела в тебе эту любовь. Я знаю!

Егор Никитич. (*положив ладонь жене за плечо*). Ну, будет.

Татьяна Петровна. (*Оборачивается на мужа, обтирая рукой слезы с щеки.*) Это я виновата в смерти нашей девочки! Я могла спасти её! Ведь я мать! Я должна была предвидеть, чем может закончиться эта любовь! Я должна была почувствовать!

Егор Никитич. Нет. Ты не виновата. Ты, как и я, была счастлива видеть её влюблённой. Такой воздушной. Такой лёгкой. (*плача*). Такой живой. Ты не виновата в её смерти. Никто не виноват.

Слышится порыв ветра. Слышишь, никто.

Егор Никитич призывает мужиков продолжить нести гроб. Мужики входят справа, тушат окурки сапогами. Старик входит слева, тушит окурки пальцами руки и кладёт его в карман. Егор Никитич отводит Татьяну Петровну в сторону.

Мужики подходят и расстанавливаются по углам гроба.

Пётр. (*Мужикам, вполголоса.*) И-и-и! Взяли!

Старик берёт стулья и торопливо уходит влево. За ним уходят все остальные.

Эпизод второй.

Тухнет свет. На сцену вносят декорации: шлагбаум, кладбищенские ворота с крестом, деревянную бытовку с печной трубой. За бытовкой растут тополя.

В центре сцены синим светом высвечивается стеклянная коробка, в которой находится Вера.

Вера. Я будто очнулась от продолжительного сна. Но я не помню, чтобы спала. (*оглядывая себя*). И я одета. Стою посреди комнаты. А всё вокруг мне кажется каким-то странным. Точно не настоящим. И почему так тихо? И одиноко.

На сцене зажигается свет. В бытовке на стуле сидит Малый с закинутыми на стол ногами, обутыми в кирзовые сапоги. Он одет в простую и чистую рабочую одежду. Дремлет.

Авдотья и Аркадий Иванович входят справа и останавливаются перед бытовкой и шлагбаумом.

Авдотья. (*Смотрит на шлагбаум.*) Это что ещё такое?

Аркадий Иванович. (*осматривая бытовку*). Дося, что – то я не припоминаю, чтобы около нашего старого погоста стоял заслон. И вот эта (*показывая на бытовку*). деревянная временка.

Авдотья. (*обернувшись на бытовку*). Кажись, и впрямь раньше её не было. Да и зачем она здесь? Неужто жить в ней кто собрался? Али уже живёт?

Аркадий Иванович. Да что ты. Что ты. Кто станет жить по соседству с могилами. (*оглядываясь на Авдотью*). Может, мы ошиблись с тобой. Не туда на развилке повернули? А это какой-то другой погост. Не наш.

Авдотья. (*бросая укорительный взгляд на старика*). Что значит не на ту! Я что, по – твоему, совсем из ума выжила! Родные поля перестала узнавать! Это ты не здешний, а мне в округе каждая пядь земли знакома. (*показывая на деревья*). Да и топольки вон те я очень хорошо помню. Правда, они тогда несколько ниже были. Но всё же это они.

Аркадий Иванович. (*Смотрит на деревья.*) Я, если честно, тополь за дерево не признаю. Он горит плохо. Жара с него мало. Да и вообще, в прошлом году один такой тополь в соседнем селе взял да и сбросил тяжёлую ветку на крышу нового сарая вдовы. Нет, не признаю я эти деревья. Оттого не запоминаю, где они растут и как. А вот если бы на их месте вязы были, я бы запомнил.

Пауза.

(*глубоко выдыхая*). Ну, значит, здесь мы Фёдора Никитича двадцать лет назад похоронили.

Авдотья. Здесь. Здесь. Не сомневайся. Где же ещё. Тут все лежат. Батюшка их, Никита Никитич. Знатный был землевладелец в краях наших. Знатный. Люди уважали его. И приезжие. И наши. Матушка Агриппина Прохоровна. Женщиной она была властной. Ух! (*Грозит кулаком.*) Весь дом в ежовых рукавицах держала. Никому спуска не давала. При ней даже смеяться остерегались. Все здесь. Деды. Бабки. Все.

Пауза.

Аркадий Иванович. (*Задумчиво смотрит на шлагбаум.*) Дося, а знаешь ли ты, зачем во времена моей бытности солдатом мы вокруг лагеря заслоны ставили, подобные этому?

Авдотья. Нет. Не знаю. Откуда же мне знать.

Аркадий Иванович.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.